

Алексей Аимин

Привет из прошлого

Или из прошлого с приветом

Алексей Аимин

**Привет из прошлого. Или
из прошлого с приветом**

«Издательские решения»

Аимин А.

Привет из прошлого. Или из прошлого с приветом / А. Аимин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-969168-2

Свой привет я посылаю вам из сравнительного недалекого прошлого — из 80-х и 90-х — двух переломных десятилетий. Но учитывая, что эти десятилетия были не только в прошлом веке, но и в прошедшем тысячелетии, звучит это и громко и значительно. Книга написана легким, доступным языком, что дает возможность читателю не обращаться к энциклопедиям, толковым словарям и другим справочным изданиям. Рассчитана на широкий круг читателей и покупателей, предпринимателей и народных заседателей.

ISBN 978-5-44-969168-2

© Аимин А.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
ПРИВЕТ ПЕРВЫЙ ознакомительный	9
Два шага назад	11
Сдвиг по «фазе»	13
ПРИВЕТ	23
Ностальгия	27
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Привет из прошлого Или из прошлого с приветом

Алексей Аимин

© Алексей Аимин, 2019

ISBN 978-5-4496-9168-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

*Хотел бы я вернуться в прошлое? Вряд ли.
Мне хватило и того, что я однажды там побывал.*

Честно скажу, этой книги могло и не быть.

В смутную и нищенскую пору двух десятилетий о которых пойдет рассказ, у меня не было ни времени, ни возможности донести все это до читателя.

Время было бурливое и возбуждающее. Я щедро делился своим творческим возбуждением с друзьями и сослуживцами. А еще с попутчиками в поездах, стоя в магазинных очередях или за кружкой пива. Народ хвалил и подбадривал:

– Неси в газету.

Но все редактора того времени сразу же от меня отмахивались, видимо, еще помнили варианты зачистки инакомыслящих из недалекого прошлого. Они и мне не раз на это намекали. Я же лишь подсмеивался – не те времена:

*Как выдам новую репризу, —
Так тянут вновь на экспертизу,
Ну и как водится по блату —
Кладут в шикарную палату
Для наивысшего состава —
Лев Троцкий – слева,
Брежнев – справа,
Тутанхамон, Наполеон,
И я среди них один, шпион.
Табличка на кровати есть:
«Агент палаты номер шесть».*

Оказалось, что зря. Позже узнал, что именно тогда был записан в «непонятные» и взят на заметку (два сигнала – от секретаря партбюро завода где работал, и от редактора местной газетенки).

Позже эти крамольные по тем временам стихи стали казаться мне устаревшими и уже никому не нужными. Натываясь на них все больше убеждался: – устарело и подходит под поговорку:

«После драки кулаками не машут».

И вот однажды заглянул ко мне приятель Юрка Толокнов. Разговор коснулся прошлого. Прослушав мои ранние опусы, он начал гневно выражать возмущение, меряя комнату своими ходулями:

– Твою маму! Нет, нельзя такое держать в столе, это преступление!

Социализм. Свобода выбора

Мои возражения, что мол, время ушло, люди успокоились и стали забывать о пережитых жутких годах, он бесцеремонно отмел словами и выражениями, которые я опушу.

После такого напора я постепенно начал сдаваться:

– Ну и под каким «соусом», я могу сегодня это подать?

Этот аргумент, был мгновенно парирован:

– А так и подай: *Привет из прошлого.*

Нет, а еще лучше – *из прошлого с приветом.*

Так что, если у вас возникнут возражения или недовольство, то все претензии, к нему, талантливому прозаику и поэту, патриоту России, ценителю номерных портвейнов с №№15, 33, 72.

Сам он всегда был настроен отрицательно к власти, к бардаку в стране и часто цитировал народ:

*Перестройка – важный фактор.
Сразу грохнули реактор!
И теперь наш мирный атом
Вся Европа кроет матом!*

Потом переключился на реформаторов:

*Как у нашей у державы
Новый герб теперь на славу:
Головы орлиные,
А мозги – куриные.*

Народное творчество простым людям всегда нравилось. Но оно всегда было ориентировано на сиюминутный успех. Я же скал что-то среднее меж народом и классиками нашей литературы – часто окультуривал их монологи и высказывания.

Потом совсем забросил этот жанр. Но очередь до него опять дошла, так как в политике страны начались повторы и многое снова стало попадать в точку.

Перечитав свои стихи и приколы из прошлого, нашел мысли которые могут быть интересны современному читателю. Даже тому, кто не застал эти взбалмошные времена.

Многое из представленного не сможет служить образцом литературного творчества. Но зато вы найдете здесь чувства, которые переживали я и мои современники в то непростое, но интересное время. У читателей моего поколения они вызовут воспоминания с индивидуальным оттенком, ведь главным достоинством предлагаемой подборки – *дух времени*.

ПРИВЕТ ПЕРВЫЙ ознакомительный

Вроде бы двадцать лет в масштабах истории человечества – *ерунда*, но для нашего народа 80-90-е годы прошлого века стали поворотными.

Страна стояла на перекрестке. Я тоже там стоял и думал о будущем:

*Пойдешь налево – флаг нести заставят,
Пойдешь направо – там обокрадут,
И только прямо – к ордену представят! —
Представят точно – только не дадут!*

Именно тогда мы окончательно разуверились в идеалах коммунизма. С карты мира исчезла страна с аббревиатурой СССР, и вновь появилась Россия.

Удержать людей с разным менталитетом можно только силой – психологическое рабство оказалось трудно переносимым. Правда, поначалу руководители страны этого никак не могли понять – отсюда жертвы. Слава Богу на сами выступления пришлось только чуть больше октября 1917 года. Но зато гражданской войны в масштабах всей страны не было.

А что касается коммунистических идеалов свободы и равноправия, то это было навязанное зарубежное учение о построении Рая на земле. Рассчитано оно было на недалеких и не шибко образованных людей. И никаких царей и тиранов!

Свержение монархий шло по Европе по присказке:

Английские фунты – французские штыки – русские дураки.

Но, побыв в идеалистах материализма, Россия зашла в тупик. Ей и пришлось хоронить призрак коммунизма, который бродил по Европе и забрел в наши края. Гостил он у нас чуть меньше века, не успев отметить столетний юбилей Союза борьбы за освобождение рабочего класса (в последующих вариантах РКПб, ВКПб и КПСС). Но похороны его оказались довольно дорогими.

Четыре полных поколения прошли по замкнутому кругу, отдав свои силы, талант и жизни на пути к этой светлой мечте. Годы войн, репрессии, унижения и голода. А за два последних десятилетия XX века наша страна прошла путь от «застывшей», но одной из ведущих стран мира к быстро развивающейся стране низжайшего пошиба.

Масса людей находилась в протрации. Я тоже не был исключением, с той лишь разницей, что фиксировал на бумаге свои внутренние переживания, метания и мало кого интересующие личные трагедии:

*Сяду и простые напишу стихи
Можно озорные, чтобы под «хи-хи»,
Можно и «чернухи» малость подпустить
Иль «клубничкой» в ухо про любовь залить.
Можно о природе, что в моем окне,
Можно о народе, что сидит в дерьме,
Можно и абстрактно – моде дань отдать,
Можно всяк, понятно, станут ли читать?*

*Клич в ходу попсовый – денежки вперед!
Уж не верит слову наш простой народ,
Заливает душу водкой всех систем,
Все опять разрушим снова, а затем...
Рубятся основы нервами в натяг,
Все теперь по новой: гимн, и герб, и стяг.
Жизненные сцены – прозой по мозгам,
Лихо скачут цены, кони по «Вестям».*

*Что теперь «мамашу» все вспоминать? —
Заварили кашу и самим хлебать,
Каждый день цепляем новые грехи,
Дальше что? – Не знаю.
Вот и все стихи.*

1995 г.

Два шага назад

Чтобы легче войти в освещаемые события, нам придется заглянуть и в шестидесятые-семидесятые, когда формировалось мировоззрение повествователя. Когда страна выходила из послевоенной разрухи, когда в народе укреплялась вера в правильности избранного пути.

Култ «отца всех народов» был развенчан, хрущевская оттепель проскочила мимо но след оставила.

Начали строить хрущевки и сеять кукурузу. Постепенно расселялись коммуналки и люди с общих 15—20 метровых кухонь стали иметь личные 6-метровые в которых порой столовалась в две смены. Так жители разделялись и постепенно становились индивидуальными ячейками.

Промелькнул и исчез анекдот:

*Нашему рабочему их рабочий показывает свое жилье:
– Вот столовая, здесь гостиная, вот кухня а вот спальня.
Наш рабочий махнул рукой:
– Да у нас то же самое, только без перегородок!*

К концу 60-х мясо и колбаса из праздничного ассортимента перешла в ежедневный. Но это только в больших городах, куда шныряли за деликатесами и одеждой жители близлежащей округи. Электрички и поезда тогда пахли вкусно.

Последующая стадия осознания действительности проходила под монотонные речи генерального секретаря, которого наш народ, подначивая, благодарил за все:

*После весны наступило вновь лето,
солнышко светит по-прежнему.
Партии нашей спасибо за это,
и лично товарищу Брежневу!*

Однако постепенно жизнь становилась монотоннее и серее. Светлое будущее по-прежнему отодвигалось на неопределенное время.

Уже в конце 70-х советские прилавки стали блекнуть, и в нашей жизни появилось новое понятие – дефицит.

Мы тогда и знать не знали, что находились в застое, – об этом нас просветили позже.

Социалистическое плановое хозяйство исчерпало себя, плодя никому не нужные, некачественные товары. Но в пересчете на душу населения все выглядело вполне пристойно:

– обувь по три пары на человека,
– каждому мужику – костюм,
– каждой женщине – два платья,
чулочно-носочные изделия по 8 пар на статистическую единицу.

Премии производителям давали за изготовление, а не за реализацию, и о каком качестве или его внешней привлекательности товара могла идти речь?

Доходило до маразма, чтобы исключить затоваривание складских помещений, эту продукцию просто уничтожали.

Но и тогда, в стране делались микроскопические шаги в сторону рынка. В период хронического дефицита, принцип – «ты мне – я тебе» и стал зачатком рыночных отношений: вы

нам палку колбасы – мы вам билеты в театр. Но это по мелочи. А аппетиты росли и из первых советских детективов мы уже знали, что и в СССР

есть те кто *«Где-то там порой, честно жить не хочет»* и делает левые бабки.

Но мы-то были честными, а заодно и бедными и одно другому нисколько не противоречило.

К началу восьмидесятых годов народ уже стал понимать, что его дурят. Отчеты об ошеломляющих успехах социалистического производства никак не совпадали с действительностью. Энтузиазм в народе угасал и призывы:

«Кто в труде впереди, у того орден на груди!» – уже не грели.

Советские люди переходили на другой принцип:

«Если вы считаете, что вы нам платите, то считайте, что мы работаем». Дефицит в магазинах частично восполнялся довеском с производства. Несли все, что подворачивалось – мыло, лампочки, гвозди. Так что внизу особого застоя не было. А вот наверху...

Наверху к нашему руководству неожиданно подкралась подлая старость, с которой кремлевские таблетки, по большому счету не справились. За один 1982 год нас оставили два столпа предыдущей эпохи – подпольный вождь коммунистической идеологии Сулов и фасадное лицо системы – Леонид Ильич Брежнев.

Двоих следующих генсеков мы проскочили быстро. Из всего, что запомнилось при Андропове – облавы в рабочее время в магазинных очередях. Народ тут же распустил слух:

ЦК КПСС уже переименовывают в ЧК КПСС.

Еще запомнилось очень удивившее незначительное снижение цены на водку (с пяти рублей 30 копеек до четырех 70-ти).

Народу это понравилось, и подешевевший продукт называли мило и душевно – «Андроповка».

Следующий генеральный секретарь Черненко вообще в народной памяти не смог зафиксироваться.

Сдвиг по «фазе»

И тут вдруг появляется ОН, молодой, говорливый, не скрывающий, что любит не только народ, но и свою жену – Михаил Сергеевич Горбачев. Главное, что у него было в наличии, это огромное желание помочь затюканному народу, при недопонимании как это сделать. Продолжая верить в коммунистические идеалы, он пошел в народ с новым лозунгом:

«Демократия и гласность»

и обещаниями все перестроить, ускорить, установить «консенсус» и создать «альтернативу» – термины, которые вызвал в народе массу противоречивых толкований:

*Милка показала в койке
Новое движение.
Я-то думал перестройка,
а это ускорение.*

Все было бы, может и ничего, и этот консенсус, мы и отыскали бы, но тут, откуда ни возьмись, навалились напасти. Сроду такого не было, обычно, страну, строящую общество будущего, все катаклизмы обходили стороной. А тут:

1. Чернобыль в 1985 году (взрыв реактора: погибло 30 человек, отселено 130 тыс. человек, заражено 660 тыс. человек),
2. Спитак в 1988 году (землетрясение: 25 тыс. погибших 19 тыс. ставших инвалидами и 530 тыс. лишившихся крова).
3. Резкое падение цен на нефть и дефицит бюджета вызвало рост внешних долгов и первого скачка инфляции в 30%.

Народ был в страшном потрясении. Раньше все это ловко скрывали, даже серьезные аварии, происходящие в соседнем городе или районе, оставались для остального народа в тайне. Теперь, с гласностью все средства массовой информации наперебой открывали нам глаза на нашу действительность, и у людей в головах голосом Хазанова зазвучало:

«Вот оно как... оказывается, не только у них так бывает...»

Что касается техногенных катастроф, то тут сработал механизм замедленного действия, из предыдущих десятилетий. Народ совершенно извращенно воспринял лозунги: *«Пятилетку в четыре года»* и по своему спешил, – то положенный гвоздь не забил, то винт не докрутил, то болт с укороченной нарезкой ставил.

И *«Экономика должна быть экономной»*, когда ради экономии то цемент в бетон не докладывали, то десяток шпал на каждый километр пути.

В связи с потеплением международной обстановки, образ внешнего врага – основа сплочения и единства народа начал расплываться.

Вот тогда было решено найти внутреннего врага. Отыскали быстро – алкоголь. И это как раз в тот момент, когда наши люди бросились от Чернобольской радиации спиртосодержащими растворами спасаться.

Родился знаменитый документ:

«О мерах по усилению борьбы против пьянства и алкоголизма, искоренению самогонного варения» (Ведомости Верховного Совета РСФСР, 1985, №21, ст. 738).

Народ не сразу понял. Партия возглавила это начинание и бодро ринулась его исполнять. В СМИ появились ужасающие цифры прогулов, простоев и несчастных случаев на производстве. Вырубались виноградники. Рекламировались соки и минералку.

Устраивались безалкогольные свадьбы, организовывались посиделки у самоваров.

Народ свое отношение выразил четко и лаконично:

« H_2O – девиз не наш! Наш – C_2H_5OH !!!».

Я тоже выразил свое мнение, но в более мягкой форме заменив первоначальное сало на водку:

*Правителей я многих пережил,
Еще пяток надеюсь пережить.
Но как при прежних водку я любил,
Так и при будущих буду я любить.*

Фактически возникла та самая горбачевская альтернатива: КПСС или ВОДКА. Последняя, опираясь на многовековые славянские традиции взяла верх, и образ врага народа неожиданно перешел на «ум, честь и совесть эпохи».

Водку пить – страну загубить

Многие россияне до сих пор считают, что именно с этого разногласия все и пошло. Я и сам был того же мнения:

*Когда у человека едет крыша,
То не сказать, что это хорошо.
Когда пришел до власти некий Миша,
Тогда процесс вот этот и пошел.*

*Я вспоминаю – много сделано по пьянке:
Попов сажали, загоняли всех в колхоз,
Но русский Ваня утром спозаранку,
На наше поле все же вез навоз.*

*Война нас как с похмелья разбудила —
Мы квелье обычно по утрам,
Но мать Россия все же победила —
Спасибо скажем фронтовым сто грамм.*

*Затем с разбега сделали мы бомбу,
Гагарин Юра тоже молодец,
Потом из нас пытались сделать зомби —
Второй Ильич был главный образец.*

*Конечно перепили здесь немного,
За что в Афгане и урок нам дан,
Но что-то ведь делали, ей Богу,
Хотя бы тот же никому не нужный БАМ.*

*Да, с трезвостью загнул конечно Миша,
Страна огромный испытала стрессс,
И у народа съехала враз крыша,
И этот продолжается процесс...*

На последнем издыхании, мы все же вползли в девяностые в статусе коммунистической державы.

Однако, СМИ вышедшие из под контроля государственных служб, сделали свое дело, и коммунистический миф затрещал по швам. Телевидение наполнилось политическими шоу, главными из которых стали телемосты с Америкой и трансляции съездов депутатов.

На съездах молодые, и не совсем молодые политики новой волны во всеуслышание начали поливать грязью политиков предыдущей когорты, а те им отвечали той же монетой. Поначалу это было очень занятно. Тогда мы уже постепенно начали понимать, что «Демократия по-нашему – это когда один может спокойно резать правду-матку в глаза другому, а тот в свою очередь может так же спокойно ее проморгать».

Со временем к слегка потускневшим политическим шоу на экраны выплеснули новое цветное зрелище – латиноамериканские сериалы: «Рабыня Изаура», «Дикая Роза», «Мануэлла». Но самым крутым подколом был сериал «Богатые тоже плачут». Для всей страны было шоком, что, имея прекрасную еду, одеваясь в шикарные одежды и при сплошном безделье, они могут быть так несчастны.

Девяносто процентов населения страны смотрела красивую жизнь, пропитанную слезами, всхлипывая и сморкаясь.

*Сидим вдвоем мы у телеэкрана,
Сегодня скромненько мы – пиво только пьем,
У наших ног мурлычет Марианна,
Луис-Альберто завивлял хвостом.
Давно проблем уж нету с именами, Изаурами, Розами заполнен
весь наш дом,
Сергея с Манькой сына Мейсеном назвали,
Мы с Клавкой дочку Мануэлкой назовем.*

Несмотря на большое количество зрелищ, дефицит хлеба насущного все же ощущался. И не только хлеба, но и остальных нужных предметов, как, например, мебель, телевизоры,

холодильники. Дальше больше, стали пропадать моющие средства, электрические лампочки и туалетная бумага. К учебному году строго по спискам выдавались тетради, фломастеры и карандаши. Куда все девалось, было одному Богу известно. Напряжение возрастало.

Конечно, власти сами виноваты, выдернув людей из «уютных» кухонных шестиметровок в километровые очереди. Если очереди на получение квартир уже давно были привычным явлением, то в 60-х стали появляться очереди на автомобили и гаражи, в 70-х на холодильники и мебельные гарнитуры.

Ждать приходилось по несколько лет. Люди записывались и периодически отмечались. Тут уже очереди стали превращаться в стихийные собрания и даже митинги.

Чтобы избавиться от ненужного ажиотажа ввели талоны и журналы учета. Конечно, и без талона этот товар можно было купить на рынках или у спекулянтов от торговли. Но советскому человеку этот способ претил – государство ему было должно – у нас же социализм!

С разрастанием Дефицита 1987—1990 годах были повсеместно внедрены талоны на многие продукты питания ряд других товаров: на табачные изделия, водку, колбасу, мыло, чай, крупы, соль, сахар.

Спрос должен был снизиться, ведь без талона соответствующие товары в торговой сети фактически не продавали. На практике иногда не удавалось использовать талоны, если соответствующих товаров в магазинах не было.

Талоны выдавались сразу на весь месяц или на квартал. Нормы потребления в разных регионах немного отличались. Например, в Якутске они были такими:

мясо или мясные продукты (птица, сосиски, колбасы) – 2 кг;

алкоголь – 2 бутылки (водка, коньяк, ликер, вино крепленое);

масло сливочное – 200 г;

сахар (конфеты) – 1 кг.

Тут уже начался настоящий ажиотаж и очереди становились стихийными собраниями.

Спецпакет конца 80-х

Разговоры на них обычно сводились к нормам выдачи продукта и переходили на нарушение прав, в смысле неравномерного распределения товаров и услуг.

Говорили о спец-распределителях для правящей верхушки и их прихлебателей. Выглядело это примерно так:

*Спецпакет и спецбольница —
Нам такое только снится.
Спецмашина – это тоже
Не для пролетарской рожки.
А еще спецмагазины —
Где все те же и грузины.*

*Не для нас все эти спец,
Но вмешался тут отец: —
Ну какой же ты невежда,
И для нас есть... спецодежда!*

Здесь же в очередях можно было взбодриться и потренироваться в «метании» лозунгов. Вообще из толпы много чего можно выкрикнуть, а потом попробуй, найди.

Очереди оставили в народе не только тоскливые воспоминания о бездарных часах проста, но и оригинальные мысли и анекдоты. Вот только несколько народных шедевров:

*Лучшее лекарство от всех болезней, это очередь к врачу
в городской поликлинике.*

Очередь подобна скорпиону. Весь яд у нее в хвосте.

*Разновидности очередей в поликлинике: по записи,
по талонам, живая очередь, и «я только спросить».*

Народ даже в таких ситуациях продолжал юморить, правда в основном на пьяную тему:

*Длинная очередь. В ее конце стоит негр. Подходит алкаш:
– Эй, цыган, ты крайний?
– Я не цыган – я негр!
– Тю!. Представляю тогда, какие у вас там цыгане!*

*Очередь у пивного ларька.
Возмущенный возглас:
– Почему не доливаете?!
Продавищица, обращаясь к очереди:
– Слышите, мужики? Этот козел хочет, чтобы вам пива
не хватило!*

Но даже народный юмор не мог предотвратить неизбежное. Терпение было на пределе.

А тут еще, вдобавок советский народ познакомился с новым, ранее присущим только капиталистическому миру явлением – инфляцией. А к ней добавилось и старое, уже слегка подзабытое – карточная система. И народы, особенно на окраинах, которые власти «задабривали» и где всегда люди жили лучше, первыми стали требовать ещё и свободы. События в Литве, Грузии, Латвии и Армении, нам показали, что добром все это не закончиться и скоро, скоро, вот-вот-вот...

Наконец, и русский народ понял, что его «имеют», и стал высказывать свое мнение, которого до этого у него почему-то никогда не было.

Первым таким шагом, сделанным в России, был выбор президента РСФСР. Несмотря на настоятельные рекомендации ЦК КПСС был выбран Ельцин, – рубаха парень.

Он покорила всех тем, как лихо он расстался со своим партбилетом, а также несколькими поездками на работу в переполненном общественном транспорте.

Красная площадь. Август 1991 года

Коммунисты поняли, что слишком расслабились и уже через несколько месяцев, состоялась попытка применить санкции к непослушному народу, сам тому был свидетелем в своем заштатном городке:

*Дело было по пьянке,
Дело было той ночью,
Шли по городу танки,
Это видел воочью.*

*Шла колонна рекою
Направлением в Питер,
Я махал им рукою, —
Мол, ребята возьмите.*

*Им вдогонку кричали:
Не шумите там больно,
Зимний мы уже брали,
Вы валяйте на Смольный!*

Эти танки не дошли до Питера, но зато другие проехали по московским улицам. При этом трое молодых москвичей, перекрывавшие им дорогу погибли. Попытка провалилась, после чего народ окончательно поверил, что и от него может что-то в этой жизни зависеть.

Страна вошла в новую эру — эру шоковой терапии, финансовых пирамид, ваучеров и дефолтов. Все это проходило под очень скромным определением — рыночные реформы. В ходу, с легкой руки Гайдара стала его фраза:

«Там где кончаются деньги — начинаются реформы».

По вековой традиции веры в доброго царя-батюшку народ стал искать виновных рангом пониже, хотя стрелочники уже были из ближайшего окружения первого российского президента.

Вот подслушанное мною излияние одного из сельских интеллигентов, ветеринара местного совхоза:

*Живу в своем поселке плоховато,
Живут здесь так же плохо кум и сват.
Не выдают три месяца зарплату.
Что делать?
Кто, скажите, виноват?*

*Не отрицаю, что-то покупаем,
Но не «Мартины» и не «Хванчкару»,
Глотнем, поморщимся и все переживаем
О будущем:
Проснемся ли к утру?*

*Зимой мы, как сосульки, замерзаем,
Я приглашаю в гости все куму,
Ведь как согреться с ней, я точно знаю,
Вот только не приходит.
Почему?*

*Друг заболел, а телефон отключен
За неуплату – все, ему конец!
Вопросом – почему так? – я измучен:
Кто виноват?
Каким такой подлец?*

*Довольно! Все! Тут бесконечно можно
Вопросы те мурыжить – кто и что.
Ребята намекнули осторожно:
Во всем виновен член один в пальто.*

*Икнув два раза местным перебором,
Все разъяснил мне Федька Фантомас,
Мол, точно знает, что его зовут Егором,
Но вот фамилия дурацкая – Чубайс.*

*Теперь мне ясно, кто берет народ измором!
Что делать? – стаканюгу щас допью,
И побегу искать того Егора —
Ему всю морду в кашу разобью!*

Лишь к середине 90-х стало ясно, что ни Гайдар ни Чубайс не были главными в этой игре, хотя Чубайс, то ли по природной нелюбви к рыжим, то ли потому, что так и не ушел в тень стал именем нарицательным. До сих пор по нашим дворам гуляют рыжие мордатые коты с этим именем.

Вдохновители реформ – Чубайс и Гайдар

Для многих и сейчас остается загадкой каким образом Борис Ельцин, смог за год поднять свой рейтинг с нескольких процентов и повторно оказаться в президентском кресле?

Возможно, Аллан Чумак заряжал не только воду, но и спирт «Рояль» поступающий тогда в Россию эшелонами и пароходами. А что, прямо как в анекдоте советских времен:

*Из Томска в Кремль поступила телеграмма:
«Пришлите хотя бы два эшелона водки. Народ протрезвел,
спрашивает, – куда царя-батюшку дели?»*

После дефолта 1998 года доверие к власти было полностью утеряно. Народ понял, что его обманули в который раз.

Оставалось лишь сокрушаться как Игорь Иртеньев:

*Родился я в двадцатом веке
В ночь на субботу с четверга.
Еще полны были сусеки,
Еще молочны были реки,
Еще кисельны берега.*

Ведь в счастливом детстве нас убеждали, что мы живем в *чудесной* стране. И это было правдой, правда с горчинкой:

*Нет, все же широка страна родная,
Жаль, что давно ту песню не поют,
И часовые пояса нас разделяют,
Здесь спать ложатся – там уже встают.*

*Живут у нас и на Охотском море,
Все как один охотники поди,
Ну а на теплом Сочинском на взморье,
Девчата сочные, куда не погляди.*

*В Воронеже навалом чернозема,
А в Липецке так лип не сосчитать,
А в Омске все законы знают Ома,
Ну а в Орле всем хочется летать.*

*А в Вологде, где кружево и масло,
Резной ещё строгают полисад,
А в этих, как их, наших Стругах Красных,
Вовсю строгают красненьких ребят.*

*Так и стоит завод в Петрозаводске,
А может, заработает когда,
Соцтурили глаза все в Кисловодске,
Такая уж там кислая вода.*

*В Рязани ходят толпами мадонны,
В Тамбове волки рыщут по углам,
А в Магадане зоны, зоны, зоны,
Ну а в Москве все строят, строят храм.*

*А в Курске куры хорошо несутся,
В Кузбассе до сих пор полно угля,
По всей России денюжки куются,
А прячут их за стенами Кремля.*

*Вот только я прошу, не возникайте,
Мол, хватит здесь нам ахинею несть,
Не верите? – Проверьте, поезжайте,
И убедитесь – так оно и есть!*

Это сейчас мы по прошествии времени можем посмотреть на пережитые годы с некоторой долей юмора и самоиронии. Да и то это могут сделать лишь те, кого жизнь и судьба пощадила. Тогда же многим было не до смеха, кто-то потерял своих близких, друзей, кто-то все свои накопления, кто-то мечты и веру в справедливость.

А еще и надежду, которая у всех умирала последней. У меня она еще теплится...

Нам обещают
Страну чудес,
Подозреваю —
Шельмует бес.
Пропала Вера,
За ней Любовь,

Одна Надежда
Блефует вновь:
Где ложь, где правда —
Я разберусь...
Не верю в Бога —
Но помолюсь!

А как для нашего поколения все хорошо начиналось!..

ПРИВЕТ ВТОРОЙ ностальгический

Если уж чего и вспоминалось, то это детство. Пусть кто-то где-то и сочинял страшилки типа:

«Волосы седые на головке детской,

хорошо живется нам в стране советской!»,

На самом деле было все не так уж и страшно, а даже весело.

*Во Владивостоке сухо,
А у нас дожди все льют.
Я сижу один под мухой,
По стеклу дождейки бьют.*

*Барабанят мелким градом,
Даже звон стоит в ушах,
Вспомнил я как мы с отрядом
Проходили в лагерях.*

*Там трубили нам горнисты,
То подъем, а то обед,
Наш вожатый выпив триста,*

Вдруг ушел в «нейтралитет».

*Мы ж оставшиеся двести,
Положили на язык,
Васька побежал к невестам,
Я ж задумался и сник.*

*Разошлись пути-дорожки,
Васька больше по бабью,
Я же в час по чайной ложке
Тихо думаю и пью.*

*Мысль поймал! Сижусь довольный,
Дождик льет, а я впотьмах,
Тост поднял слегка фривольный:
За свободу в лагерях!*

Говорят, что освобожденные рабы иногда тоскуют по своим цепям. Но это несколько иное. Да, нас застраивали в колонны, повязывали галстуки, учили песням, типа:

«И как один умрем, в борьбе за это».

Но мы тогда, совершенно не задумывались, зачем надо было «за это» дело умирать. Мы собирали металлолом и макулатуру, сажали деревья и переводили стариков через дорогу. Мы почти все были беззаботными у нас была вся жизнь впереди. Верили что будем жить при коммунизме, тем более Никита Сергеевич клятвенно к 1980 году его пообещал. Так что попасть туда в тридцать лет было совсем неплохо.

Правда, вначале 60-х мне пришлось не раз отстаивать часовые очереди за хлебом. Возможно, именно тогда на контрасте обещаний с действительностью в народе и родилась мысль, ставшая анекдотом:

«Коммунизм в отдельной стране построить можно. Только кто в этой стране будет жить?»

Тем не менее, с середины 60-х жизнь стала налаживаться. В магазинах появился не только хлеб, но еще и сыр, масло, мясо, колбаса. А в универмагах (универсальные магазины) образовались залежи безвкусной одежды и обуви.

Организовались первые садоводства, где трудовой народ выращивал овощи, фрукты и ягоды. Не знаю как у кого, но у меня от того времени осталось устойчивое отвращение к варенью из черной смородины. Во-первых, я ужасно не любил ее собирать, а во-вторых, меня настойчиво кормили этим засахаренным продуктом, одновременно требуя за это хороших отметок.

В первый класс меня отправили в серой униформе, в которой присутствовали фуражка с кокардой и ремень. В школьный набор входили пенал с перьевыми ручками, чернильница и сине-зеленые тетради в клеточку и линейку, где на обложке было написано:

*Помни всегда, открывая тетрадь,
Что Ленин учился на круглые пять.*

На уроках нам рассказывали о подвигах советских людей в гражданской и отечественных войнах и конечно же о пионерах-героях. Среди последних образцом честности был Павлик Морозов, который, если кто подзабыл, откинув родственные связи «заложил» своего родителя. Помню, однажды я был здорово обескуражен, когда в разговоре на кухне при упоминании этого самого Павлика, сосед дядя Леша, процедил: «В семье не без урода». Но обдумывать такие заявления желания не было, ведь мозги у нас не так были повернуты, чтобы чего-то обдумывать. Видимо потому мы часто пересказывали внутри дворовые стишки с определенным подвохом, принимая их за чистую монету:

*Хорошо, что наш Гагарин,
Не еврей и не татарин,
Не бурят и не узбек,
А наш советский человек!*

Юность тоже прошла, а вернее просквозила с чувством первой школьной любви и жадной новизны открытий. Страна осваивала космос, кругом пели уже другие песни: «И на Марсе будут яблони цвести». Все это было пропитано огромным патриотизмом, которое продолжало в нас жить и в студенческом возрасте, когда вроде бы пора было принимать взрослые решения, но...

*Как это было все давно,
о, Боже мой!
Когда нас призывали к коммунизму,
И словно на сеансе спиритизма,
Пред нами Ленин был всегда живой.*

*Нам говорили: – повернем мы реки вспять,
Сады посадим и в цветах утонем,
Америку конечно перегоним
И будем яблоки им с Марса поставлять*

*А нам же это было все до фени, —
Куда зовут нас представительные дяди,*

*У нас рубахи были все в губной помаде
За те года сейчас и платим пени.*

*Зовут вернуться, повернуть все вспять
Но мы уже давно умнее стали
На светлом прошлом зубы обломали, —
Жаль молодым вот все «до лампочки» опять!*

Сейчас это большая ценность

Ностальгия

Временной ностальгии подвержены практически все. Сколько раз от нашего старшего поколения мы слышали:

«Вот в наши времена и утки были жирнее и девушки красивее».

К этому вполне можно добавить – и вода была мокрее, и водка крепче.

Первые ощущения, они всегда бывают самыми яркими и остаются в нашей памяти на всю жизнь, и первая любовь и первая рюмка. Трудности если и были, то не столько у нас сколько у родителей – во что нас одеть и чем накормить?

С начала 70-х до начала 80-х пошла спокойная размеренная жизнь с постепенным улучшением благосостояния граждан и заполнением малогабаритных квартир коврами и хрусталем. В программе «Время» нас уверяли, что мы живем правильно и чуть ли не лучше всех.

А и правда, выпить было можно, закусить есть чем, а что еще человеку надо?

Именно о тех застойных временах и ностальгировал мой знакомый в середине 90-х:

*Однажды на голову что-то мне упало,
И неприятно было мне сперва,
Потом наоборот приятно стало,
Как будто бы чужая голова.
И будто снова я во времена застоя,
Я молодым себя и сильным ощутил.
И хоть и был на выходе с запоя,
Но ощущение будто месяц я не пил!
Залез в карман – там рубль сорок восемь,
Да, на портвейн должно бы мне хватить,
Должок с соседа пять рублей испросим —
И погуляю! Чтобы вам так жить!
Куплю грамм двести докторской колбаски,
В томате кильку – тридцать три копья,
Пузырь московской – это ж просто сказка!
На опохмел оставляю два рубля.
Включу я телевизор черно-белый,
Под чмоканье генсека так идет!
Собрался было я идти на дело,
Но радио услышал – идиот.
Оно всем голосом гнусавым разъясняло:
Подорожало все с сегодняшнего дня,
И голова моя на место сразу встала,
А как задумано красиво было, бля...*

наш руководитель «Застоя» причмокивал и любил целоваться

Ну, с водкой и килькой в томате перебоев не было. Правда с мясом происходила метаморфоза и на прилавках лежало «нечто». Вот как это обыгрывалось в анекдоте:

Встречаются два приятеля.

– Ты не знаешь, как теперь скот забивают на мясокомбинатах?

– Да вроде электротоком.

– А я думаю, гранатами подрывают, в какой магазин не зайдешь – одни головы да копыта.

Все, конечно, знали, куда исчезает остальное – под прилавков, откуда его можно было заполучить лишь знакомым мяснику, или любому в обмен на услугу или за переплату. Такое положение наблюдалось больше в провинциальных городах, в Москве и Ленинграде дефицит был не так заметен, да и марку с трудом, но старались держать. Вот еще один анекдот того времени на эту же тему:

Одессит в Ленинграде читает вывески на магазинах «Ленмясо», «Ленрыба», «Ленмолоко».

– Я не знаю как там в Херсоне, но у нас в Одессе точно не разрешат «О де мясо», «О де рыба», «О де молоко».

Когда умер Брежнев, я сам видел, как люди плакали. Видимо многие чувствовали, что с ним закончилась определенная эпоха, жизнь пусть и монотонная, но предсказуемая. И они не ошиблись.

Оговорка радиокомментатора на похоронах Андропова:

«Все политбюро в полном составе идет к могиле» —
оказалась в какой-то мере пророческой.

После введения свободных цен у основной массы людей, простых тружеников и пенсионеров, подгибались коленки, в тот момент, когда они проходили мимо прилавков, которые быстро начали наполняться импортным ширпотребом. Народ не сразу осознал то, что было утеряно и еще пытался шутить:

*Нет, ребята, я считаю, сгоряча
погребли мы Леонида Ильича!
Помер? Мало ли что помер! Что ж с того?
Вон другой Ильич лежит – и ничего.
Тот лежит Ильич, а этот бы – сидел,
оставаясь как бы вроде бы у дел.
И, насупившись, молчал бы, как живой,
покачнешь его – кивал бы головой...
Я не знаю, что за дурость! Что за прыть!
Лишь бы где-нибудь кого-нибудь зарыть!
Ни носков теперь, ни сахара, ни клизм...
А какой был развитой социализм!..*

Евгений Лукин

Деньги теряли вес на глазах. Именно тогда тысячу рублей стали называть куском, ведь за нее в начале 90-х можно было купить только кусок колбасы. Люди стали все чаще жаловаться и на помутнение в голове и ослабление других частей тела. У меня это невольно зафиксировалось:

*Сны меня давно не посещают —
Эротические, я имел ввиду,
И, похоже, что-то мне мешает —
Я грешу немного на еду.*

*То ли мне калорий не хватает,
Витамины может быть не те,
Ну а может что-то выгорает
Когда жарю на своей плите?*

*А когда откушав блин горелый,
(У меня же масло – дефицит),
Я невятно ощущаю тело
И в глазах по странному рябит.*

*И за этой странноватой рябью,
Словно у Ван-Гога и Де-га
Не воспринимаю стать я бабью,
Не волнует грудь или нога.*

*А волнует то, что вымирает
Вся страна, хотя и нет войны,
И народ все больше забывает
Что такое эротические сны.*

Кстати о хлебе и вине. Большая часть людей в начале девяностых ностальгировала именно по этим, в советские времена доступным по цене и самым необходимым продуктам. В одной из самиздатовских книжек провинциального поэта, я нашел этому прямое подтверждение:

*В столовой ели хлеб бесплатно,
Стояли соль, горчица, перец.
Вино там пили аккуратно —
Нам в коммунизм хотелось верить.*

Тем временем прилавки заполнялись бросовыми импортными товарами, имеющими броские этикетки и непомерную цену. Появившаяся на экранах телевизоров реклама помогала взгрывать эти цены, но порой очень раздражала. В народе даже родились контр-рекламные отбивки:

*«Упса» – хороший аспирин, —
Вот только после пучит, блин!*

*Хоть памперсов значение велико, —
Зато без них ходить легко!*

*На сеновал ее, пожалуйста, не зови —
Пока не купишь ей «Понтин Про-Ви».*

*Хоть каплю заподозрил, что ты трус, —
Купи для подстраховки «Олвейс – Плюс»!*

*Жаль поздновато завезли к нам «Бленд-а-Мед»,
Когда уже зубов здоровых нет.*

Здесь надо немного оговориться. «Понтин Про-Ви» – шампунь, «Олвейс-Плюс» – женские гигиенические салфетки, ну а «Бленд-а-Мед» – зубная паста.

В киосках и ларьках появились не только шоколадные батончики «Сникерс» и «Марс», но и страшно дефицитные в советские времена коньяк «Наполеон» и ликер «Аморетто», при-

чем по вполне доступной цене. Если в начале 80-х в Крыму я видел «Наполеон» по 36 рублей (10 бутылок водки), то здесь он соответствовал всего 2—3 бутылкам родного зелья.

На столах у простых тружеников по поводу и без повода появлялись пузатенькие пятизвездочные бутылки, с красивой этикеткой. И хотя на вкус он соответствовал среднему самогону, все делали вид, что пьют божественный напиток.

Но когда народ катастрофически обнищал тут-то и появился новый продукт – голландский спирт «Рояль».

Его производили по некоторым данным, в Польше. Повальное увлечение им, наблюдалось в 90-е годы прошлого века, когда водка была по талонам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.